

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

Е.Б. Емченко

Московский государственный университет геодезии и картографии,
105064 г. Москва, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава

Одним из важных направлений развития исторической науки является изучение терминологии как в исторических документах, так и в историографии, т.к. существует определенный разрыв между языком исследователя и языком источника, особенно средневекового. Статья посвящена изучению терминологии свода постановлений Стоглавого собора, которое дает возможность узнать представления авторов Стоглава о социальном устройстве общества. Кроме того, анализируется лексика, связанная с выборными институтами в обществе. Проведенное исследование меняет существующие в историографии взгляды на социальную структуру общества и институты представительства, которые существенно отличаются от представлений авторов Стоглава, приближая нас к исторической реальности. В приведенных в статье многочисленных цитатах отражено все многообразие и сложность различных социальных групп в середине XVI в., что свидетельствует об отсутствии сословий, которые в это время еще только формируются. Изучение лексики Стоглава, связанной с различного рода выборными и представительными институтами, дает представление о том,

© Емченко Е.Б., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

что в условиях строительства молодого единого государства они играют очень большую роль, отражая, с одной стороны, традиции удельного периода, с другой – возникающие новые тенденции.

Ключевые слова: Стоглав, церковное право, терминология, социальная структура общества, выборные органы власти и должности в обществе середины XVI в.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Емченко Е.Б. Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 64–86. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

E.B. Emchenko

Moscow State University of Geodesy and Cartography,
Moscow, 105064, Russian Federation;

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Social stratification and institutions of representation based on the materials of Stoglav

One of the important directions of historical science development is the study of terminology in both historical documents and in historiography, since there is a certain gap between the language of the researcher and the language of the source, especially the medieval one. The article is dedicated to the terminology of the code of regulations of the church Council of 1551, which makes it possible to learn the views of the authors of the Stoglav on the social structure of society. In addition, it analyzes the vocabulary associated with elected institutions in society. This research changes the existing views of historiography on the social structure of society and institutions of representation, which differ significantly from the views of the authors of Stoglav, bringing us closer to historical reality. The numerous quotations given in the article reflect all the diversity and complexity of various social groups in the middle of the XVI century, indicating the absence of estates

that were still being formed at this time. The study of Stoglav's vocabulary related to various types of elective and representative institutions gives an idea that they play a very important role in the construction of a young unified state, reflecting, on the one hand, the traditions of the preceding period, on the other – emerging new trends.

Key words: Stoglav, church law, terminology, social structure of society, elected authorities and positions in the society in the middle of the XVI century

FOR CITATION: Emchenko E.B. Social stratification and institutions of representation based on the materials of Stoglav. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 64–86. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

Существующие в исторических исследованиях историографические модели прошлого зачастую оказываются далеки от исторической реальности. Одной из важных причин сложившейся ситуации является разрыв между языком исследователя и языком исторического источника, особенно, если этот источник относится к периоду средневековья.

В последние годы вопросы изучения терминологии, понятий, используемых как в исторических исследованиях, так и в исторических документах, становятся одним из основных направлений в изучении как зарубежной истории, так и российской. Ярким примером этого в зарубежной историографии является 8-томный «Словарь основных исторических понятий», избранные статьи которого в виде двухтомника изданы в России в 2014 г. [22].

Центром терминологических дискуссий остается вопрос о том, насколько возможности сближения языка исследователя и языка изучаемой эпохи приблизят нас к исторической реальности и изменят существующие историографические концепции. Тем более, что некоторые термины остаются в течение веков, иногда меняя свое значение, другие – существуют лишь небольшой период, а затем полностью исчезают из употребления.

И в зарубежной, и в российской историографии заново пересматриваются такие привычные понятия, как «феодализм» [26], «сословия» [4], «сословно-представительная монархия» и т.д. Важное значение имеет появление статей М.А. Бойцова, В.А. Кучкина, П.С. Стефановича, А.А. Горского, П.В. Лукина и др. [5–9; 11; 12; 17; 24; 30].

Теме социальной структуры общества и представительных институтов посвящены недавно изданные работы, которые подводят основные исследовательские итоги – сборник статей «Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. [19],

а также фундаментальное исследование В.А. Аракчеева «Власть и “земля”. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века». В этой работе подробно проанализирована вся предшествующая историография, включая последние исследования [3]. Большой вклад внесла монография Д.В. Лисейцева о приказной системе [16] и др.

Надо обратить внимание на то, что в самом средневековом обществе не могли не задумываться о политическом устройстве страны и социальных группах населения, поэтому важно выяснить, какими были представления об этом у самих современников. Отметим, что в древнерусских документах отсутствуют специальные трактаты, в которых были бы предприняты попытки определить общественную структуру. Тем не менее, существует достаточное количество источников, в которых можно найти необходимые для нас сведения, хотя в них трудно найти системное изложение, что усложняет работу с источником.

Для терминологических исследований традиционно используются законодательные источники. В их числе – памятники церковного права. Именно в законодательных памятниках можно найти необходимый понятийный материал по самым различным темам: социальная стратификация общества, взаимоотношения светской и церковной власти, власть и институты представительства и т.д.

Среди источников права особое место занимает Стоглав – свод постановлений церковного собора Русской православной церкви (РПЦ) 1551 г. Самоназвание Стоглава – «Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинех», а также «Соборное уложение». В источниках встречаются также названия «соборная книга», «новое уложение» и т.д. Название Стоглав или Стоглавник впервые появляется в рукописях только с конца XVI в. [25, с. 10–11].

Стоглавый собор 1551 г. – один из самых масштабных соборов в истории РПЦ. Его созыв был продиктован глобальными изменениями, которые были вызваны созданием молодого Российского государства, проблемами его управления [15]. Появляется необходимость поднять авторитет церкви, преодолеть пороки и недостатки («нестроения»), существующие в церкви, государстве и обществе.

Стоглавый собор стал частью мероприятий, проводимых московским митрополитом Макарием и так называемой «Избранной радой» в конце 1540-х – 1550-х гг.: созыв условно первого земского собора 1549 г., активизация соборной деятельности церкви, принятие Судебника 1550 г., развитие выборных органов местного самоуправления, проведение военной реформы и т.д. В самом тексте Стоглава царь, который вошел в историю как «Грозный», называется «благочестивым»

и «прекратким» (л. 10 об.) [25, с. 39]. Текст Стоглава отличает высокая степень открытости и откровенности критики, с которой выступил собор, демонстрирует стремление к тому, чтобы исправить недостатки, существующие как в самой церкви, так и в духовной и общественной жизни.

Так как 1540–1550-е гг. – время, связанное с появлением новых и уже существовавших представительных институтов (соборы, земские и губные старосты, различного рода выборные должности и т.д.), то этот процесс неизбежно заставляет авторов Стоглава искать определенный порядок в социальной структуре общества.

Изучение богатого лексического материала Стоглава имеет определенные трудности. В его текст включены источники более раннего периода XI–XV вв.: правила апостолов, вселенских соборов, святых отцов, законы византийских императоров, Устав Владимира, грамоты великих князей и русских митрополитов, существовавшие в рукописной традиции уже в течение нескольких столетий, и т.д. Поэтому многие термины, в зависимости от того, в какой части текста они находятся: в оригинальных постановлениях собора или в цитируемом тексте более раннего источника, включенного в Стоглав, – могут иметь различные значения или вообще не использоваться в современном соборном языке. Это делает необходимым исследование каждого отдельного случая употребления того или иного термина или понятия, учитывая контекст, в котором он находится.

Излагая свои представления о том, каким общество, авторы Стоглава использовали при этом различные известные им критерии: служебные, материальные, нравственные, духовные и т.п., зачастую их совмещая, что делает интересующую нас социальную структуру общества не всегда определенной и противоречивой.

Конечно, нигде в тексте Стоглава нет столь распространенных в современной историографии терминов: духовенство, дворяне, помещики, сословие, представительство и т.п. Вместе с тем, авторы текста Стоглава с удивительным постоянством выстраивают определенный порядок в структуре общества, не уставая перечислять снова и снова «чины», устанавливая систему, которую предполагалось строго соблюдать, в первую очередь, тем, кто служит в церкви.

В Стоглаве имеется гл. 90 «Ответ о том, комуждо подобает свой чин хранить». Ее источником послужили 27-е правило шестого (Трульско-го) собора и Аристиново толкование на 50-е и 51-е правила седьмого (Никейского) собора и 69-е апостольское правило.

Содержание главы связано с тем, что архиереям, иереям, дьяконам и «всякому священническому и иноческому чину» (л. 231–231 об.)

[25, с. 221] подобает каждому свой чин хранить и блюсти не только своим чистым и непорочным житием, но и делом, и словом, и поведением («хожением»), и взглядом, видом («взором»), и «слухом», что может означать знание, «безо всякого зазору неподобнаго» (л. 231 об.) [Там же, с. 222]. Также следует соблюдать свой чин в одежде (ризах) и даже в обуви. Запрещается излишне себя украшать ни в городах, ни в домах, ни в дороге. Особенностью текста толкования в Стоглаве является то, что оно распространяет 27-е правило шестого собора и 16-е правило седьмого собора, обращенное только духовенству, на мирян: «И ино одѣвание воину, и ино одѣвание тысяцнику (начальник тысячи человек войска. – *Е.Е.*), ино пят(ь)десятнику (стоящий во главе 50 человек войска. – *Е.Е.*), и ино одѣвание купцу, и оно одѣвание златарю (ювелиру. – *Е.Е.*), и ино желѣзному ковачю (кузнецу. – *Е.Е.*), и ино орачю (пахарю. – *Е.Е.*), и ино просителю (нищему. – *Е.Е.*), и ино женам, яко же им носити и гл(агол)емяя торлопы (верхняя одежда. – *Е.Е.*)» (л. 232–232 об.) [Там же, с. 222–223]. Далее осуждается обычай, когда «причетници» украшают себя золотом, бисером и драгоценными камнями и, тем самым, своим внешним видом уподобляются тому, как одевается женщина, либо носят воинскую одежду. Завершается толкование тем, что каждый должен носить только ему предназначенную одежду с тем, чтобы отличать, к какому чину принадлежит человек: «Комуждо бо свое одѣвание, от тѣх же и познаваются, койждо кто есть коегождо чина» (л. 232–232 об.) [Там же]. Из этого текста следует, что даже представители отдельных ремесленных специальностей должны были иметь отличающее их одеяние (л. 231–233 об.) [25, с. 221–223].

Как уже отмечалось, термин «духовенство», обозначающий в более позднее время единое сословие, в Стоглаве не существует. В нем вместо одного термина выделены три социальные категории – это «священнический и иноческий и священноиноческий чин», имеющий строгую иерархию:

- «архиереи-святители»: митрополит, архиепископы, епископы;
- «иноческий чин»: архимандриты, игумены (игуменьи), строители, священноиноки, старцы (старицы), пустынники (пустынницы), мнишеский чин, чернец («черница, священные жены и девицы»), черноризец (черноризица).

В цитируемых Стоглавом источниках, наряду с понятиями «священник», употребляется «иерей» и «пресвитер».

Подробно представлена система «чинов» в приходских церквях – «мирских церквях»: «священнический чин», «священнический сан» (ср. «мирской сан»), «великое Божие священство», «протопопы» и «старейшие священники», «поповские старосты и десятские священники»,

«мирские священники (попы)», «поп белец», «придельные священники» (служащие в одном из приделов церкви), «ружные священники» (служащие в церквях, получающих дотацию – ругу), «соборные священники», «дьяконы», «приходящие священники и дьяконы», «сельские попы и дьяконы», «священные протопопы и все священники» [25, с. 304] и т.д. Термины «приход» и «прихожанин» в Стоглаве встречается только 11 раз [Там же, с. 298].

В цитируемых Стоглавом источниках, наряду с понятиями «священник», встречается «иерей» и «презвитер» (пресвитер) [Там же, с. 272, 296]. Есть много терминов, значение которых связано с теми, кто прислуживает в церкви во время богослужения: «дьяк», «подьяк», «чтец», «певец» (л. 233 об.) [Там же, с. 223], а также «проскурница», «сторож», «ключарь» [Там же, с. 299, 309, 275].

В «Уставе Владимира» (гл. 63) [Там же, с. 170], помещенном в Стоглаве, перечисляются «церковные люди», которые принадлежали юрисдикции церковного суда: игумен, игумения, попь, диакон, попадиа, диаконица и дѣти их, и кто в крылосѣ, чернець, черница, проскурница, понамарь, прощеник, баба вдовица, зад(у)шный ч(е)л(овѣ)к, прикладен, стороник, слепець, хромец, монастыреве болницы, пустынницы, странноприимцы и кто порты чернеческыа свержет» (л. 169) [Там же, с. 171]. При этом перечень людей, принадлежащих юрисдикции епископа, менялся в разных редакциях «Устава Владимира». Понятие «церковные люди» встречается также в тексте 2-го апостольного правила, цитируемого Стоглавом – «Тако ж(е) и иноцы и прочии ц(е)рковнии людие, да судит их еп(и)ск(о)пъ ...» (л. 155 об.) [Там же, с. 160]. В «Послании митрополита Киприана во Псков», также помещенном в Стоглаве, имеется понятие «церковный человек» (л. 170) [Там же, с. 172]. И в том, и в другом случае, в отличие от «Устава Владимира», это понятие не раскрывается. В оригинальных постановлениях Стоглава термин «церковные люди» не встречается. Упоминаются «монастырские слуги», «святительские бояре», которые принадлежали юрисдикции «церковного суда». Неизвестно, могли ли принадлежать к их числу «слепцы, вдовы, хромцы, живущие в богадельнях и т.п.».

Примером сложности работы с лексикой Стоглава являются понятия «причт» и «причетник». Значение этих терминов в тексте Стоглава различается; в отдельных случаях бывает сложно его определить. Так, термин «причт церковный» в оригинальных постановлениях собора можно понимать и как объединение священно- и церковнослужителей, и как только церковнослужителей, т.е. не имеющих священного сана:

– «...и о всякомъ с(вя)щенническом чину и иноческом, и о всяком причту ц(е)рковном» (л. 31) [Там же, с. 55] и др.;

– «...Тако ж(е) и дворецские, и диаки, и во Пскове намѣстник вл(а)д(ы)чнь ставят сами попов к ружным ц(е)рквам и на них, и на всѣм причтѣ ц(е)рковном великие же денги емлют...» (л. 103 об.–104) [25, с. 120];

В других случаях термин «причт» используется только в первом значении: «...Никто ж(е) о причитаемыхъ в с(вя)щенномъ ц(е)рковномъ причтѣ в неподобную ризу да облачится, ни въ градѣ пребываа или в коем селѣни жител(ь)ствуя, или на пути шествуя...» (л. 232) [Там же, с. 222] и т.д.

Что касается термина «причетник», то его значение в оригинальных постановлениях Стоглава объединяет низшие церковные чины – после дьякона:

– «...О судѣхъ архимандричих и игуменов, и всяког(о) с(вя)щ(е)нническаг(о) чину, и иноческаг(о), и о всѣхъ ц(е)рк(о)вныхъ причетниках, и о монастырскихъ слугах...» (л. 36 об.) [Там же, с. 60];

– «...попы и ц(е)рк(о)вные причетники в ц(е)ркви всегда пиани и без страху стоят и бранятся...» (л. 40 об.) [Там же, с. 63];

– «...Так же в попы и въ диаконы ставити безо мзды даже и до самого ключаря и прочих причетников» (л. 224 об.) [Там же, с. 216].

Однако иногда, а именно – в толкованиях на 50-е, 51-е и 80-е правила шестого вселенского собора, понятие «причетник» объединяет епископа, пресвитера, дьякона и «причитаемых в клирос»: если «епископ или пресвитер, или дьякон, или в причитаемых в клирос или простец» в течение 3-х недель не посещал церковь без уважительной причины, то, если «аще клирикъ будет – да извержется, аще простецъ – да отлучится» (л. 242) [Там же, с. 229] (см. также гл. 16, 90, 92). В аналогичном значении и в этих же главах, но в самих правилах (а не в толкованиях) употребляется понятие «клирик». В том же значении, но исключая «епископа», также используется термин «*причетник*».

Таким образом, в зависимости от того, где встречается тот или иной термин – в оригинальных постановлениях собора или в источнике – определяется его значение. Не всегда очевиден смысл таких терминов, как «церковники» (л. 59 об.) [Там же, с. 82], «церковные чиновники» (л. 31) [Там же, с. 55].

Церкви были «приходными», «соборными» [Там же, с. 124–134] или «предельными», сельскими или городскими, а также ружными. В соответствии с этим, различным было и положение священника, по-разному складывались и отношения с «мирянами» – прихожанами церкви.

Определение «мирской» довольно часто встречается в Стоглаве в сочетании с понятиями, связанными как с церковной терминологией, так и светской: «проскурницы – мирские черницы», «мирские церкви»,

«мирские священники», «мирские беседы», «мирские сласти», «мирской сан», «мирской властель», «мирские вещи», «мирские свадьбь», «мирские человеки», «мирское судище», «мирская чадь» [25, с. 278–279].

Разнообразна терминология, связанная с «мирянами»: «мирские человецы», «мирские люди», «простые люди». Интересно отметить, что в число «простых людей» в одном из случаев употребления данного термина попадают «князь» и «боярин»: «...точно великая святая соборная церковь обладает и судит таковым по закону священных правил, а от *простых людей* ни князь, ни боярин, ни всяк мирский судья да не обладает иерея...» (л. 154) [Там же, с. 159].

Миряне тесно связаны с причтом «мирских церквей». Как справедливо заметил Д.М. Шаховской, до XVII в. общество целиком находится в церкви и «русское православие определяет себя в “Доме Божием”» [29, с. 99]. «Миряне» в Стоглаве – это «духовные дети» (гл. 34, 35 и др.), «чадь»:

- «Иная убо творитца в простой чади в миру...» (л. 97) [25, с. 113];
- «И о сем достоит добре поради́ти и поразсудити, и утвердити по б(о)ж(е)ственному писанию, было б(ы) от кого мирской чади страх и наказание, и заповѣди Б(о)жия...» (л. 39) [Там же, с. 62].
- «Ино от нас, мирской чади, чего добра чаяти...» (л. 39 об.) [Там же, с. 62];
- «Вневидый съгрѣшают простаа чадь...» (л. 235) [Там же, с. 224] и т.д.

Каждое из вышеназванных понятий – «миряне», «священнический и иноческий чин» – объединяет всю сложную иерархическую систему «чинов», которые авторы Стоглава предпочитают с удивительным постоянством подробно каждый раз перечислять в тексте памятника [12, с. 56–69; 30, с. 203–214].

Общество в целом – это «народ», «все православное хрестьянство»; «людской народ»; «жители»; «люди», которые разделяются на чины. Так, в ответе на 7-й царский вопрос (из вторых царских вопросов) о возможности изображения на иконах царей, князей, святителей и «народы, которые живы суще», подтверждается, что на иконе Воздвижения животворящего креста написаны не только цари, святители, царицы, но и «...и прочие народы многая множество всяких чинов...» (л. 99 об.) [25, с. 115].

В тексте Стоглава неоднократно повторяется формула: «князья, бояре и все православное христианство», или: царский, княжеский, боярский, воинский чины, царские служебники, торговые люди, купец и т.д. «В великих ж(е) ч(е)стных монастырѣх», в таких, как Троице-Сергиев монастырь, стригутся «князи и бояре, и приказные люди великие» (л. 153–153 об.) [Там же, с. 157–158].

Исключительное положение отведено иконописцам («живописцам»), которых и царь, и вельможи должны «почитати паче простых ч(е)л(овѣ)к» (л. 119) [25, с. 132–133]. Важно отметить, что в термине «христианство» происходит характерное для рассматриваемого периода замещение «К» и «Х» («крестиане» = «христиане»). Только в двух случаях этот термин можно отнести именно к крестьянству. В главе 41, вопросе 19 скомо-рохи объединяются в ватаги от 60 до 100 человек и «по д(е)р(е)вням у кр(е)стиян силно едят и пиют» грабят и избивают (л. 105 об.) [Там же, с. 121], а также в «Ответе бывшего митрополита Иоасафа» (гл. 100). Он критикует решение собора о выкупе пленных только за счет казенных средств, т.к. «...кр(е)стианом... и такъ... много тягли в своих пода-тах» (л. 255) [Там же, с. 238–239].

Как уже отмечалось выше, постановления Стоглава ставят своей целью упорядочить систему отношений между «чинами». Постановления собора, касающиеся «мирян», причта «мирских церквей» (т.е. белого духовенства) объединены в одну часть Стоглава (гл. 6–40), а постановления о монастырях – в другую, несмотря на то, что зачастую они касаются одних и тех же недостатков и «мирян», и «священнического и иноческого чина»: пьянство, распутство, драки, бродяжничество мирян, священников и монахов, участие священников в мирских праздниках («позорищах»), в языческих обрядах (гл. 41, вопр. 2, 3; гл. 5, вопр. 11), служба «черньцов» в качестве попов и «черниц» в качестве проскурниц в «мирских» церквях (гл. 5, вопр. 9); миряне в монастырях живут (гл. 5, вопр. 37), а «убогиа чернцы и черницы по миру скитают-ся» (гл. 5, вопр. 37) и т.д.

Важно также обратить внимание на то, что монашествующие, находясь в монастыре, сохраняли свой социальный статус. В.Д. Назаров подметил особенность в перечне розданных монахиням Новодевичьего монастыря из приказа Большого прихода «милостинных» денег. Первыми в этом списке шли старицы-княгини и боярыни, затем «большие и меньшие крылошанки», а в конце – «рядовые старицы» [1, с. 272].

Таким образом, авторы Стоглава в тексте неоднократно выстраивают ряды, в которых перечисляют «чины» и различные социальные группы населения. Однако иногда в «эти ряды» включены определенные должности:

- чин царский, княжеский, боярский (л. 14) [Там же, с. 42], князи, бояре и воины (л. 15) [Там же, с. 43], «бояре мои, всѣ приказные люди и корьмленшики со всѣми землями помирилис(я) во всяких дѣлех» (л. 28 об.) [Там же, с. 53];
- «царские служебники», торговые люди, воинство (л. 51 об.) [Там же, с. 73–74];

- «князи и бояре, и приказные люди великие» (л. 153) [25, с. 158];
- «царские служебники и торговые люди» (л. 251–251 об.) [Там же, с. 236–237] (ср. – служебники в монастыре (л. 139 об.) [Там же, с. 147–148]);
- «Бояринъ и диак, и приказной ч(е)л(овѣ)к, и служебники всякие, и торговой ч(е)л(овѣ)к...» (л. 251–251 об.) [Там же, с. 236–237];
- в святительских судах «бояре и диаки, и тиуни, и десятинники, и н(е)д(ѣ)лщики» (л. 32 об.) [Там же, с. 56].

Критерии, по которым включены в один ряд чины, бывают смешены. Например, служебное положение в обществе и нравственный критерий: «Да дѣти боярскыя и люди боярскыя, и всякие бражники (подчеркнуто мной. – *Е.Е.*) зернью играют и пропиваются, ни службы служат, ни промышляют, и от них всякое зло чинитца – крадут и разбивают, и д(у)ши губят». (л. 106–106 об.) [Там же, с. 121–122].

«Люди»: градские люди, и сельские люди, пашенные и непашенные (л. 249–250) [Там же, с. 234–236]; торговые люди, торговый человек (л. 51 об., 251 об.) [Там же, с. 73–74, 236–237], слобожане (л. 249) [Там же, с. 234–235]. При этом авторы Стоглава различают тех, кто приехал в страну: иноземцы (л. 36 об., 198 об.) [Там же, с. 59–60, 197], иноверцы (л. 42, 198 об.) [Там же, с. 64–65, 197], иногородцы (л. 261) [Там же, с. 242].

Таким образом, социальная структура общества, представленная в Стоглаве, отличается разнообразием, в основном, подчинена определенной иерархии. При этом критерии, по которым классифицируется общество, носят смешанный характер: нравственные, профессиональные, по происхождению и т.п. С одной стороны, имеющиеся в тексте Стоглава группы населения не вписываются в употребляемые в историографии сословия, с другой стороны, столь часто упоминаемые в историографии сословия (например, духовенство) отсутствует в представленной картине социальной структуры общества. Как верно заметил в своей монографии М.М. Кром, сословия в России в XVI в. находились лишь в стадии формирования [15, с. 155].

Как уже отмечалось, XVI в. – это время создания представительных и разного рода выборных органов в управлении страны и церкви. Этот процесс также находит свое отражение в тексте Стоглава. Поэтому возникает вопрос, каким образом названные социальные группы населения участвуют в выборных органах.

В Стоглаве находится один из самых известных ключевых текстов рассматриваемого периода – о примирении бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями» и об устройстве выборных органов самоуправления: «*От(е)ць мой Макарей, митрополит всея Русии,*

и архиеп(и)с(ко)пы, и еп(и)с(ко)пы, и вес(ь) ос(вя)щенны [так!] събор в пред(ь)идущее лѣто бил есми вам челом и з бояры своими о своем съгрѣшени, а бояре тако же. И вы нас в наших винах бл(аго)с(ло)вили и простили, а яз по вашему прощению и бл(аго)с(ло)влению бояр своих в прежних во всѣх винах пожаловал и простил, да им же заповѣдал со всѣми кр(е)стияны ц(а)рствия своего в прежних во всяких дѣлах помириться на срок. И бояре мои, всѣ приказные люди и корьмленщики со всѣми землями помирились(я) во всяких дѣлах (подчеркнуто мною. – *Е.Е.*). Да бл(а)г(о)с(ло)вился есми у вас тогда же Судебник исправить по старинѣ и утверд^{ити}, чтобы суд был праведен и всякие дѣла непоколебимо во вѣки. И по вашему бл(аго)с(ло)влению и Судебник исправил, и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, судьбы бы праведен и беспосулно во всяких дѣлах. Да устроил по всѣм землям моего г(осу)д(а)рства старосты и целовал(ь)ники, и соцкие, и пятидесяцкие по всѣмъ градом и по пригородом, и по волостем, и по погостом (подчеркнуто мной. – *Е.Е.*). И у детей боярских и уставные грамоты подписал. Се Судебник пред вами и уставные грамоты» (л. 28 об.–29) [25, с. 53].

В историографии принято считать этот текст свидетельством зарождения «сословно-представительной монархии». Термин оказался слишком условным и не отражающим историческую реальность [5, с. 18–32].

Однако выборные органы власти и выборные должности в период проведения церковного собора существовали. Несмотря на то, что собор является церковным, тем не менее, в его тексте сообщается о том, что царь озаботился «не токмо о устроении земскомъ, но и о многоразличных ц(е)рковных исправлении» (л. 10 об.) [25, с. 39].

Термина «выбирать» в Стоглаве нет. Есть термин «избирать», который имеет два значения.

‘Назначать’: святитель «избирает» – назначает: «в попы 30 лѣт, а в дьяконы – 25 лѣт» (л. 69 об.) [Там же, с. 91]; дворецкие и дьяки должны «избирать» священников и диаконов к «ружным ц(е)рквам» (л. 104) [Там же, с. 120]; святитель выбирает для себя бояр и дворецких из тех родов, из которых у него они были раньше. Если бояре и дворецкие будут из других родов, то необходимо советоваться с царем, который сам «изобрал у собя и дал им, которым будет пригоже в томъ чину быти» (л. 188 об.–189) [Там же, с. 189–190].

‘Выбирать’: поповских старост и десятских священников «искусных, добрых и житием непорочных» (гл. 6); в приходских церквах прихожане избирают священников и дьяконов, и диаков, «искусных и грамоте гораздих, и житием непорочных» (л. 103 об.) [Там же, с. 119]; по прошению братии митрополит, архиепископ и епископы «избирают» архимандритов и игуменов и посылают их к царю (л. 224) [Там же, с. 216].

Основной институт представительства в церковном управлении – церковный собор. Участниками собора являются царь Иван Васильевич, митрополит Макарий, высшие иерархи церкви: архиепископы и епископы, а также архимандриты и игумены монастырей, соборные старцы. На соборе присутствовали также светские представители власти: князья, бояре, воины.

Важным событием является появление новых выборных должностей в церкви, в частности – старост поповских и десятских священников «искусных, добрых и житием непорочных» (гл. 6) [25, с. 69–72].

В соборном решении подробно описывается процедура выборов поповских старост и десятских священников, их обязанности и порядок их деятельности в Москве. В Москве семь соборов, к каждому из которых «причтены» (приписаны) остальные храмы. По количеству соборов в Москве избирается семь поповских старост из «добрых священников». Сто священников («или как число вместит») избирает священника «разума духовного», знающего и любящего Священное писание («рачителя божественному Писанию») и добродетельного. Выбранный таким образом поповский староста избирает себе десятских священников «достойных и искусных» и непорочных от каждого храма. Избранные старосты должны предстать перед митрополитом, который их благословляет. В других городах старосты, священники и десятские избираются «где сколько пригоже в котором городе. По селам, погостам и по волостем – только десятские священники» (л. 48–49) [Там же, с. 70–71].

Поповские старосты и священники должны осуществлять контроль за совершением службы и благочинием, поведением (чтобы не пьянствовали, не «глумились мирскими кошунами», не ходили в корчмы и на мирские праздники – «позорища» (л. 49–49 об.) [Там же, с. 71–72], начнут пренебрегать своими обязанностями) священнослужителей. Старосты должны выявлять подобные нарушения – спрашивать, расследовать, узнавать у священников и «добрых людей». Затем докладывать своим святителям «о бесчинстве», и уже святители «духовне наказывают» (л. 49–49 об.) [Там же]. Если же старосты и десятские священники будут покрывать бесчинных священников, то они будут от святителей в наказании и в отлучении. В дни главных праздников староста вместе со святителем, владыкой или митрополитом совершают службу. Они обязаны проверять ставленные, отпускные и благословенные грамоты у приезжающих в Москву по различным делам архимандритов, игуменов, протопопов, «священноиноков, священников и диаков», которые нанимаются служить к московским священникам (л. 49–49 об.) [Там же]. Сбор венечной пошлины во избежание злоупотреблений возлагался на поповских старост и десятских священников. Собранные ими

деньги передавались в казну. Кроме того, они участвовали в церковном суде (л. 49–49 об.) [25, с. 71–72].

Главы о церковном суде (гл. 66–69) в Стоглаве являются наиболее оригинальными и самобытными, единственными в своем роде, т.к. впервые в истории русского церковного права в нем подробно описаны церковное судоустройство и процесс церковного судопроизводства [10, с. 103–116]. Постановления Стоглава были направлены также на то, чтобы разграничить функции церковного и государственного суда («градский», «мирской»). Отменялись «несудимые грамоты»: теперь настоятелей монастырей должны были судить святители, а «чернцов и слуг монастырских» – настоятели монастырей, а ранее многих игуменов и архимандритов во всех делах, кроме церковных, судил великий князь [14, с. 131]. Причем на святительском суде по «духовным делам» «соборне», «миряне» (в т.ч. святительские бояре) не имели права присутствовать. Затем «святитель» должен был отдать судный список митрополиту. Полностью в ведение мирского суда попадали дела об убийстве (о «душегубстве и разбое с поличным») (л. 176) [25, с. 178].

Но разграничение мирского и церковного суда не было последовательным. Связь между ними во многом сохранялась. Так, попов, дьяконов, всех причетников и мирских людей в гражданских делах, а именно по рядным, духовным и кабальным грамотам, а также в ряде уголовных дел – случаях присвоения имущества, оставленного на сохранение, драках, грабежах (т.е. не по духовным делам) – по повелению святителей судят святительские бояре. У них в суде должны участвовать выборные старосты поповские и пятидесятские, десятские (по две-три недели), городские старосты и целовальники, а также земский дьяк, «которым ц(а)рь прикажет» (л. 178–178 об.) [Там же, с. 180–181]. Старосты, целовальники и земской дьяк обязаны с судных дел сделать копии, подписанные дьяками (святительскими?) и хранить их у себя. Они же, а также священники, участвующие в суде, должны подписать судные списки, которые остаются у святительских бояр, и списки, которые остаются у целовальников. Судные списки после суда должны храниться в ларце у дьяков «за боярскими печат(ь)ми по ц(а)р(е)ву Судебнику» (подъячим их не передают) до тех пор, пока не будут представлены святителю, который, посоветовавшись с «ыскусными людьми» (л. 178 об.–179) [Там же, с. 181], выносит окончательное решение и определяет величину пошлины по царскому Судебнику и Уставной грамоте с ответчика. В том случае, если истец или ответчик не согласится с содержанием судного списка, святитель обязан снова провести следствие со всеми участниками суда, после чего они должны вынести окончательное решение (л. 178 об.–179) [Там же].

Таким образом, ряд гражданских дел, связанных с договорами, завещаниями, а также грабежами, должен был рассматриваться святительскими боярами, и в суде у которых должны были находиться по 2–3 недели в т.ч. и те, кто занимал выборные должности: священники, поповские старосты, пятидесятские и десятские, а также «градские старосты и целовальники», «земской дьяк», «которым царь прикажет» (л. 181–181 об.) [25, с. 182–183]. Материалы следствия («срочные и обыскные списки») должны были писать земские дьяки, но в присутствии поповских старост и десятских священников. Т.е. устанавливался взаимный контроль мирского и церковного судов.

В случае, если святительские бояре и другие представители администрации (дворецкие и десятники) брали взятки, то «старосты», «священники» и «добрые люди», которые с ними «в суде сидят», должны были провести следствие, и провинившиеся отстранялись от должности (л. 187 об.–188) [Там же, с. 188–189].

Если же архимандриты, игумены, попы, дьяконы, церковные причетники, священноиноки, монахи и монахини будут судиться с мирскими, то их должен судить совместный суд, состоящий из мирских и святительских судей, десятских священников и земских старост («...и они просят у с(вя)тителей за собою присадки или у десятинников...») (л. 174–174 об.) [Там же, с. 177–178].

Стоглав настаивает на сохранении должности десятинника и его суда в городах «и по десятинам». А.А. Зимин ошибочно утверждает, что Стоглавый собор «ликвидировал институт владычных десятинников», т.к. отныне святительскую дань должны собирать и отдавать епископам и другим владыкам в церковных десятинах земские старосты и десятские священники [13, с. 97]. Его устройство аналогично устройству суда святительских бояр. К компетенции суда десятинника относятся те же дела, что и вышеперечисленные дела суда святительских бояр: по рядным и кабальным грамотам, «и в боѣх, и в грабежех, опрочѣ д(у)х(о)вных дѣд», и та же категория населения: священники, дьяконы, «церковные причты» и «мирские люди» (л. 179–179 об.) [25, с. 181–182]. В суде десятинников должны присутствовать старосты-священники и десятские священники («по два – по три»), старосты земские и целовальники. Они обязаны с судных списков, ими подписанных и оставленных на хранение у десятинника, сделать копии, подписать их у десятинника, поставить печать и оставить на хранение у себя (л. 179–179 об.) [Там же].

Священников, дьяконов и «церковные причты» давать на поруки можно только десятским священникам, а мирских людей – земским

старостам и земским десятским. При этом от поруки запрещалось брать «поклонное» – подарок в качестве благодарности.

Документы, в которых указывался срок явки в суд, и следственные дела должны оформлять земские дьяки в присутствии старост, десятских или церковного дьяка «крѣпости для и брежения земскаго» (л. 187–187 об.) [25, с. 188–189]. Однако не совсем ясно, какие именно «старосты» и «десятские» имеются в виду: старосты-священники и десятские священники или земские старосты и земские десятские, возможно, те и другие.

Если десятинники будут затягивать дела, брать взятки и судить несправедливо, то старосты, целовальники и священники, которые входят в состав суда десятинников, должны пожаловаться земскому дьяку. Если десятинник проигнорирует их жалобу, они должны обратиться к святителю. Крайняя мера наказания нерадивого десятинника – письмо старост к царю. Наказание – «великая опала» от царя и святителя, отстранение от должности и штраф, в три раза превышающий сумму, присвоенную десятинником.

То же наказание за аналогичное преступление (взятка) ждет недельщика, боярина, дворецкого и дьяка. Если вина будет доказана старостами и священниками, сидящими с ним в суде, то по Судебнику он должен заплатить штраф, размер которого в три раза больше суммы самой взятки. Если его поймают на этом же преступлении в следующий раз, то он опять должен заплатить штраф и затем подвергнут ссылке. При этом дворецкий и боярин должны быть лишены соответственно дворничества и боярства и конфискованы их поместья, десятинник должен быть лишен десятины, дьяк – дьячества.

В том случае, если девушки, замужние женщины и вдовы, т.е. лица женского пола, обратятся с жалобой (видимо, об изнасиловании) на представителей духовенства («священнический и иноческий чин») или на «мирских людей», то недельщикам разрешается отдавать обвиняемых на поруки «перед старостами и перед с(вя)щенники десяцкими, и перед земскими *десятцкими*» (л. 189 об.–190) [Там же, с. 190–191]. Затем недельщики должны их «ставить» перед боярами, а бояре должны сообщить святителю. «Священнический и иноческий чин» судят сами святители «соборне» или те, кому они поручают (л. 189 об.–190) [Там же]. Те же недельщики и тиуны, которые, договорившись с «ябедниками и з блудницами», берут взятки, обязаны по Судебнику без суда, хотя и с предварительным следствием и показаниями свидетелей, вернуть взятое в тройном размере, после чего они лишаются своих должностей (л. 189 об.–190) [Там же].

Таким образом, постановления Стоглава, касающиеся судоустройства и судопроизводства, свидетельствуют об активном участии выборных поповских старост и десятских священников в церковном суде наряду с другими выборными – земскими старостами, целовальниками, сотскими, десятскими. Еще Н.Е. Носов считал, что реорганизация системы судопроизводства и системы сбора налогов на соборе, в частности, передача функций сбора налогов местному населению в лице десятских священников, земских старост и целовальников, способствовала повсеместному внедрению в местное управление земского сословного представительства [18, с. 76–82]. Хотя поповские старосты и десятские священники представляют только приходское духовенство.

В Стоглаве прослеживается связь «причта» приходской церкви и общины («прихода»). Стоглавый собор не запрещает общине избирать своих кандидатов («ставленников») в священники и дьяконы, а также дьяков, пономарей и даже проскурниц. Осуждается лишь практика вымогательства общиной денег за избрание. В одном из царских вопросов сообщается о том, что в Новгороде «уличане» (приход церкви на одной из улиц) выбирают священников, дьяконов и других членов причта в зависимости от того, кто больше им заплатит, и с ним идут к святителю. Когда владыка присылал своего попа, то его прогоняли, если он не давал «уличанам» достаточную сумму денег. Собор постановил, чтобы «прихожане избирали священников и дьяконов искусных и грамоте гораздых», денег за это с них не брали, а затем шли к святителю, который их благословлял (л. 103 об.) [25, с. 119–120]. Сохранились договоры, которые заключались между общиной приходской церкви и священником, в котором оговаривался срок службы священника и взаимные обязательства [2, № 184]. Известны случаи изгнания священников «мирянами». Так, в Пскове были изгнаны «мирянами» все вдовье священники. Это событие осуждается в грамоте митрополита Киприана, также включенной в состав Стоглава (гл. 65).

Такое положение приходских священников приводило к тому, что они часто переходили от одной церкви к другой. И, как об этом сообщает Стоглав, в Москве даже появилась пошлина «крестец». Приехавшие в Москву архимандриты, игумены, протопопы, священноиноки, священники и дьяконы сходились в определенном месте («на Крестец в Торгу на Ильинской улице») и нанимались на месяц и более служить по московским церквям (л. 190–192) [25, с. 191–192]. Опять же Стоглав не осуждает практику найма священников, но обязывает поповских старост проверять их полномочия: ставленные, отпускные и благословенные грамоты (л. 190–192) [Там же].

Важно отметить, что «миряне» – «добрые люди» («лутчие люди») – наравне с поповскими старостами и священниками привлекаются к расследованию «духовных дел»: если священники участвовали в «мирских позорищах», ходили в «корчмы», «учнут о своих д(у)х(о)вных не радити» и т.п. (л. 84–84 об.) [25, с. 103–104]; в упоминавшихся случаях взяточничества со стороны святительских бояр (гл. 69). Кроме того, при устройстве богаделен контроль за деятельностью по их организации поручался священникам и «градцким добрым людем» (л. 197 об.) [Там же, с. 196]. Собор принял постановление, по которому собранная святительская пошлина с попов запустевших церквей передавалась на восстановление церкви, а собирали бы ее «люди лутчие, которые к тем церквам прихожи» (л. 193 об.) [Там же, с. 193]. На них же возлагалась обязанность обеспечить церковь иконами, церковной утварью, книгами и т.п. (л. 193 об.) [Там же].

Таким образом, несмотря на то, что многие постановления Стоглава были направлены на упорядочивание и разграничение различных «чинов», в обществе сохраняется тесная связь мирского и духовного. В этот период духовенство не является единым и замкнутым сословием по отношению к остальной – мирской части общества. Недаром понятие «духовенство» получило распространение в более позднее время (XVIII в.) [23, стлб. 1183–1184].

В историографии существует две точки зрения на то, кем являются «Добрые (лутшие, лутчие) люди».

1. «Добрые люди» – это выборные представители местного населения из дворянства и верхушки тяглового населения города или крестьянского населения в суде (Судебник 1550 г.).

2. По другой версии – «представители населения не по выбору, а по своему положению в местном обществе» [21, с. 82]. По Судебнику 1550 г. бесчестье «доброего человек» оценивалось в 5 руб., т.е. приравнивалось к бесчестью средних жителей города (торговые посадские люди). Для сравнения: крестьянин «пашенный и непашенный» – 1 руб., дети боярские городовые в зависимости от оклада – 3–5 руб., торговый гость – 50 руб. [Там же, с. 26, 82, 107, 138 и др.].

В гл. 70 указано, что «лутчие люди» из прихожан собирают мелкие митрополичьи и «десятинничьи» пошлины, митрополичью дань и «заезд» (род подати) и на эти деньги сооружают церковь, запустевшие церкви снабжают иконами и книгами. А священники должны жить «о приходе и церковней земле» (л. 193 об.) [25, с. 193].

В Стоглаве используется такой термин, как «добрые свидетели»: «добрые свидѣтели» без суда производят розыск о продажности тиунов

и недельщиков, которые организуют стговор с блудницами и с клеветниками, после чего следует наказание совершивших преступление (л. 190) [25, с. 190–191].

Для наблюдения за порядком в богадельни вводились должности смотрителей из «здравых строев и баб стряпчих», количество которых определялось в зависимости от числа призреваемых (л. 35 об.–36) [Там же, с. 58–59]. Ранее это были приказчики, назначаемые епископом, которые продавали места в богадельнях «мало больным» (л. 35 об.–36) [Там же]. Поэтому было решено на Стоглавом соборе, чтобы «приказати с(вя)щенником добрым да целовалником или градцким людем добрым над ними смотрити, чтобы им насильства и обиды от стряпчих не было» (л. 197 об.–198) [25, с. 196].

Необходимо обратить внимание еще на один термин – «соборные старцы», которые являются участниками собора 1551 г. По мнению Е.В. Романенко, «соборные старцы» – это орган управления монастырем, и они сохраняли основной принцип церковной жизни – соборность [20, с. 102].

В 8-м царском вопросе (гл. 5) царь критикует практику распоряжения монастырским имуществом со стороны архимандритов и игуменов без участия соборных старцев (л. 33 об.) [25, с. 57]. Соборные старцы, наряду с архимандритами, игуменами и строителями, должны следить за соблюдением монастырских порядков, за монастырской казней, чтобы в монастыре не держали «молодых робят голоурых», ели вместе со всей братией в общей трапезе, а не в келье, наказывать «безчинников» (л. 133–135, 139–140) [Там же, с. 143–145, 147–148]. Архимандриты и игумены обязаны принимать новых вкладчиков по совету с соборными старцами (л. 142–143) [Там же, с. 149–150]. Вместе с настоятелями они обязаны расследовать, кто давал вотчины в монастырь, всех переписать в синодики монастырские с тем, чтобы по ним совершались панихиды и ставился «корм» и т.д. (л. 199 об.–200) [Там же, с. 197–198]. Соборные старцы участвуют в суде архимандритов и игуменов, когда судят чернецов и слуг, «кроме духовных дел» (л. 174) [Там же, с. 176]. Таким образом, архимандриты, игумены без соборных старцев и без келаря, и без казначей «ничѣм не властовались» (л. 139 об.–140) [Там же, с. 147–148]. Также бы и соборные старцы и келари, и казначеи без архимандритов и без игуменов «ничто же не творили» (л. 139 об.–140) [Там же].

Решения Стоглавого собора были направлены на рассмотрение в Троице-Сергиев монастырь к бывшему митрополиту Иасафу, Ростовскому архиепископу бывшему Алексею, и Чудовскому бывшему архимандриту Васиану, и Троицкому бывшему игумену Ионе, и всем соборным

старцам (гл. 99). Троицкий игумен Серапион и с «Осифовьским соборным старцом с Герасимом с Ленкевым», и со священником Благовещенского собора Селивестром ответ передали царю, митрополиту и всем собору (гл. 100).

Лексика текста Стоглава отражает все многообразие и сложность социальной структуры общества в XVI в., что свидетельствует об отсутствии сословий, которые еще только формируются. Существующие в историографии представления о структуре общества не совпадают с представлениями авторов Стоглава, отражая другую реальность. В условиях формирования молодого единого государства большую роль играют различного рода выборные и представительные органы власти, которые, с одной стороны, могут отражать традиции удельного периода, с другой – новые тенденции. Однако с тем, чтобы приблизиться к исторической реальности и более точно ее передать, необходим сравнительный лексический анализ с другими документами этого, а также последующего периодов.

В связи с нарастающим интересом к терминологическим исследованиям представляется также очень важным издание средневековых источников с обязательным помещением словоуказателя, в котором было бы отражено все многообразие лексики публикуемого документа.

Библиографический список / References

1. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М., 1998. [Akty Rossijskogo gosudarstva. Arkhivy moskovskikh monastyrej i soborov XV – nachalo XVII vv. [Acts of the Russian state. Archives of Moscow monasteries and cathedrals of the XV – early XVII centuries]. Moscow, 1998.]
2. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической Комиссией. СПб., 1838. [Akty yuridicheskie ili sobranie form starinnogo deloproizodstva. Izdany Arkheograficheskoy Komissiej [Legal acts or a collection of forms of ancient dokuments. Published by The Archeographical Commission]. St. Petersburg, 1838.]
3. Аракчеев В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. [Arakcheev V.A. Vlast' i «zemlya». Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII veka [Power and “land”. Government policy in relation to the tax estates in Russia in the second half of the XVI – early XVII century]. Moscow, 2014.]
4. Арнаутова Ю.Е. Модели истолкования социальной действительности в Средние века // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 241–252. [Arnautova Yu.E. Models of interpretation of social reality in the Middle ages. *Prepodavatel XXI vek*. 2019. No. 4. Pp. 241–252. (In Russ.)]
5. Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Сословное представительство в России в контексте европейской

- истории, вторая половина XVI – середина XVII вв. М., 2017. С. 18–32. [Boytsov M.A. Estate-representative monarchy: An mistake in translation? *Soslovnoe predstavitel'stvo v Rossii v kontekste evropejskoj istorii, vtoraya polovina XVI – seredina XVII vv.* Moscow, 2017. Pp. 18–32. (In Russ.)]
6. Горский А.А. «Древнерусское государство» IX–XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии // Российская государственность: от истоков до современности: Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. М., 2012. С. 11–15. [Gorskij A.A. “Old Russian state” of the IX–XI centuries: On the issue of periodization and terminology. *Rossijskaya gosudarstvennost': ot istokov do sovremennosti: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, priurochennoj k 1150-letiyu rossijskoj gosudarstvennosti.* Moscow, 2012. Pp. 11–15. (In Russ.)]
 7. Горский А.А. Об эволюции понятия «волость» // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 2. М., 2011. С. 19–21. [Gorskij A.A. On the evolution of the concept of “volost”. *Rus, Rossiya: Srednevekovie i Novoe vremya.* Vol. 2. Moscow, 2011. Pp. 19–21. (In Russ.)]
 8. Древняя Русь: очерки политического и социального строя / А.А. Горский, В.А. Кучкин, П.В. Лукин, П.С. Стефанович. М., 2008. [Gorski A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya* [Ancient Russia: Essays on the political and social system]. Moscow, 2008.]
 9. Емченко Е.Б. «Царствующий град» в источниках XVI в. // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 208–219. [Emchenko E.B. “Tsarstvuyushhij grad” in the sources of the XVI century. *Ot Drevnej Rusi k novoj Rossii: yubilejnyj sbornik, posvyashhennyj chлену-korrespondentu RAN Ya.N. Shchapovu.* Moscow, 2005. Pp. 208–219. (In Russ.)]
 10. Емченко Е.Б. Церковный суд в постановлениях Стоглавого собора 1551 г. // Исторический вестник. 2002. № 31 (16): Церковный суд в истории России. С. 103–116. [Emchenko E.B. Ecclesiastical court in the decisions of the Stolglavy Cathedral in 1551. *The Historical Reporter.* 2002. No. 31 (16). Pp. 103–116. (In Russ.)]
 11. Емченко Е.Б. Москва – «святой град» в публицистических и литературных текстах Средневековья и Нового времени // Церковь в истории России. Сб. 7. Отв. ред. В.М. Лавров. М., 2007. С. 7–31. [Emchenko E.B. Moscow – “Holy city” in publicistic and literary texts of the middle Ages and Modern times. *Tserkov' v istorii Rossii.* Vol. 7. V.M. Lavrov (ed.). Moscow, 2007. Pp. 7–31. (In Russ.)]
 12. Емченко Е.Б. «Причт» и «миряне» по материалам церковного законодательства XVI в. // Церковь в истории России. Сб. 1. Отв. ред. П.Н. Зырянов, Я.Н. Щапов. М., 1997. С. 56–69. [Emchenko E.B. “Pricht” and “laity” based in the materials of Church legislation of the XVI century. *Tserkov' v istorii Rossii.* Vol. 1. P.N. Zyryanov, Ya.N. Shchapov (eds.). Moscow, 1997. Pp. 56–69. (In Russ.)]
 13. Зимин А.А. Пересветов и его современники. М., 1958. [Zimin A.A. *Peresvetov i ego sovremenniki* [Peresvetov and his contemporaries]. Moscow, 1958.]

14. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. [Kashtanov S.M. *Finansy srednevekovoj Rusi* [Finances of medieval Russia]. Moscow, 1988.]
15. Кром М.М. Рождение государства. М., 2018. [Krom M.M. *Rozhdenie gosudarstva* [Birth of the state]. Moscow, 2018.]
16. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. [Lisejtsev D.V. *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v ehpokhu Smuty* [The system of prikazes of the Moscow state in the era of distemper]. Moscow; Tula, 2009.]
17. Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014. [Lukin P.V. *Novgorodskoe veche* [The Novgorod Veche]. Moscow, 2014.]
18. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. [Nosov N.E. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenij v Rossii* [Formation of Estate-representative institutions in Russia]. Leningrad, 1969.]
19. Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середины XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2017. [Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii XV – seredina XVII v. [Estate representation in Russia in the context of European history, the second half of the XVI – mid XVII centuries]. V.D. Nazarov (ed.). Moscow, 2017.]
20. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. [Romanenko E.V. *Povsednevnyaya zhizn' russkogo srednevekovogo monastyrya* [Everyday life of a Russian medieval monastery]. Moscow, 2002.]
21. Российское законодательство X–XX вв. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [Russian legislation of the X–XX centuries]. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow, 1985.]
22. Словарь основных исторических понятий. Избр. ст. в 2-х т. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. [Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatij. Izbrannye stat'i v 2-kh tomah [Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland]. Featured articles in two volumes. Translated from the German by K. Levinson; Yu. Zaretskij, K. Levinson, I. Shirle (compil. eds.); sci. ed. translation by Yu. Arnaudova. Moscow, 2014.]
23. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. В.И. Чернышова. М.; Л., 1950–1965. Т. 3: Г–Е. 1954. [Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of modern Russian literary language]. V.I. Chernyshov (ed.). Moscow, Leningrad, 1950–1965. Vol. 3: G–E. 1954.]
24. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. [Stefanovich P.S. *Boyare, otroki, družiny: voennopoliticheskaya ehлита Rusi v X–XI vv.* [Boyars, otroks, družinas: Military and political elite of Russia in the X–XI centuries]. Moscow, 2012.]
25. Стоглав: Текст. Словоуказатель / Отв. ред.: Дж. Манискалько Базиле, А.В. Юрасов; подготовка текста Е.Б. Емченко. М.; СПб., 2015. [Stoglav. *Tekst. Slovoukazatel'* [Stoglav: Text. Lexicon]. G. Maniscalco Basile, A.V. Yurasov (eds.); E.B. Emchenko (preparation of the text of Stoglav and author's article). Moscow; St. Petersburg, 2015.]

26. Феодализм: понятие и реалии / Под общ. ред. А.Я. Гуревича, С.И. Лучицкой, П.Ю. Уварова. М., 2008. [Feodalizm: ponyatie i realii [Feudalism: Concept and realities]. A.Ya. Gurevich, S.I. Luchitskaya, P.Yu. Uvarov (eds.). Moscow, 2008.]
27. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древнейшей Руси. XI–XIV вв. М., 1972. [Shapov Ya.N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnejshej Rusi. XI–XIV vv. [Princely charters and the Church in Ancient Russia. XI–XIV centuries]. Moscow, 1972.]
28. Щапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. [Shapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov' v Drevnej Rusi X–XIII vv. [The state and the Church in Ancient Russia of the X–XIII centuries]. Moscow, 1989.]
29. Шаховской Д.М. Автокефалия и симфония // 400-летие учреждения патриаршества в России. Рим, 1989. С. 97–103. [Shakhovskoj D.M. Autocephaly and Symphony. 400-letie uchrezhdeniya patriarshestva v Rossii. Rome, 1989. Pp. 97–103. (In Russ.)]
30. Emčenko E.B. “Clero” e “laici” secondo le gislazione ecclesiastica del XVI secolo. *Laicità tra diritto e religion da Roma a Constantinopoli a Mosca*. P. Catalano, P. Siniscalco (eds.). 2009. P. 203–214.

Статья поступила в редакцию 06.12.2019, принята к публикации 26.02.2020
The article was received on 06.12.2019, accepted for publication 26.02.2020

Об авторе / About the author

Емченко Елена Борисовна – кандидат исторических наук; заведующая кафедрой истории отечества, государства и права гуманитарного факультета, Московский государственный университет геодезии и картографии; старший научный сотрудник Учебно-научного центра актуальных проблем исторической науки и образования им. А.Г. Кузьмина, Московский педагогический государственный университет

Elena B. Emchenko – PhD in History; Head at the Department of History of the Fatherland, State and Law of the Faculty of Humanities, Moscow State University of Geodesy and Cartography; senior researcher at the Educational and Research Center of Actual Problems of Historical Science and Education named after A.G. Kuzmin, Moscow Pedagogical State University

E-mail: emchenko@list.ru